

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

ТАНСКИЙ ИМПЕРАТОР ТАЙ-ЦЗУН (627-649) ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРЯ И САНОВНИКОВ

Постоянное взаимодействие двух достаточно самостоятельных политических доктрин – теории императорской власти и конфуцианского этического учения, отражавших взаимоотношения правителя Поднебесной и бюрократии (точнее высших сановников, входивших в ближайшее окружение монарха) – определяло содержание официальной идеологии императорского Китая.¹ Выражая интересы монархии, первая из упомянутых доктрин главнейшее достоинство сановника усматривала в способности быть практически полезным правителю, вторая же, отстаивая позиции бюрократии, первостепенным талантом правителя считала умение привлекать к себе и использовать на соответствующих должностях талантливых и образованных людей.

С точки зрения конфуцианской историографии, правителем, обладавшим этим качеством в полной мере, был второй танский император Тай-цзун. Благодаря его выдающемуся умению по достоинству оценивать талантливых сановников его правление под девизом Чжэньгуань (Чжэньгуань чжи чжи) долгие годы почиталось в Китае как символ идеального управления страной.

Признание за императором Тай-цзуном "несомненной способности тщательно отбирать сановников и распределять [среди них] дела в соответствии с должностями"² не было безосновательным. Бурные события конца династии Суй (581-617) вовлекли в активную политическую борьбу множество образованных и способных людей. Лучшие из тех, кто попадал в поле зрения Тай-цзуна, привлекались в его штат. Большинство из них уже имело опыт административной службы (иногда на высоких и даже ключевых постах) у различных претендентов на императорский престол – политических соперников дома Тан.

Тай-цзун очень бережно относился к чиновникам, имевшим способности к административной деятельности, и с первых же дней своего пребывания у власти принял позу их почтительного ученика. Он неоднократно обращался к ним с просьбой давать ему советы о достойном правителе поведении и об управлении государством, выслушивал их "увещевания" и в течение почти десятилетия (приблизительно до 636-637 гг.) не допускал отклонений от принятой роли. Изложение бесед Тай-цзуна с его приближенными по разным вопросам управления и морали составило десять цзваней известного сочинения "Основы политики в период Чжэньгуань" ("Чжэньгуань

чжэньяо"), вызывавшего восхищенные отзывы минского Сянь-цзуна (1465-1487), цинского Цянь-луна (1736-1795), сёгуна Токугава Иэясу (1542-1616).

По сравнению с "Чжэньгуань чжэньяо", сочинение самого Тай-цзуна "Правила для императоров" ("Дифань"), отражавшее, в частности, взгляды автора на взаимоотношения государя и сановников, имело в Китае куда меньшую известность.

Невнимание традиционной китайской историографии к "Дифань" поначалу вызывает недоумение: сочинение, которое не отступало от дидактической, морально-назидательной цели традиционного исторического описания, которое было даровано прославленным императором своему сыну как наставление и из "первых рук" излагало главные политические принципы периода Чжэньгуань, по всей вероятности, вообще не было удостоено рецензий известных историков и облеченных властью людей.

Главная причина этого может усматриваться в том, что правление периода Чжэньгуань почиталось идеальным в соответствии с конфуцианскими этическими образцами, а в "Дифань" была представлена позиция монарха, отстаивающего "центростремительные тенденции доктрины императорской власти".³

Согласно "Чжэньгуань чжэньяо", главными авторами государственной политики при Тай-цзуне были его сановники, в "Дифань" же рассмотрению проблемы взаимоотношений императора с высшим чиновничеством предшествует рассмотрение вопросов о политических функциях самого императора и его родственников.

Выбранная последовательность перечисления в "Дифань" различных носителей власти - императора, его родственников и сановников - имела принципиальное значение, поскольку была связана с иерархичностью структуры пространства. Согласно традиционным космологическим представлениям, удаление от центра - вершины иерархии - означало одновременно и нисхождение по шкале сакральности, а, следовательно, упорядоченности и политической значимости.⁴ В "Правилах для императоров" вслед за главой о сущности правителя помещена глава о политической роли родственников царствующего дома, и только после этого - глава о роли сановников в делах управления.

По мнению Тай-цзуна, изложенному в "Дифань", главной опорой, "руками и ногами" императора, продолжением его личности должны стать члены его рода. Весь императорский клан (в определенной степени точка зрения Тай-цзуна была проявлением и кланового самосознания) должен быть носителем политической власти. С членами

своей семьи Тай-цзун считает необходимым делить и трон ("высшую ценность") и свои управленческие функции, поскольку "и в спокойствии, и в опасности [родственники обладают] единой силой, и в процветании, и в упадке [имеют] одно сердце".⁵ О сановниках, которых традиция в равной с ним степени считает ответственными за достижение процветания периода Чжэньгуань, Тай-цзун говорит с точки зрения помощи (фу) правителю в государственных делах, рассматривая их в качестве своих персональных помощников.⁶

О том, как необходимы государю преданные и искусные помощники, повествует третья глава "Дифань", которая называется "Искать мудрецов" (цю сянь). Показательно, что в названии главы, а также в ее тексте, в выражении "повсюду искать одаренных" употреблен глагол "цю" (искать, добиваться), в то время как в "Щуцзине" сказано и "повсюду искать одаренных" (пан цю цзюнь янь)⁷ и "отовсюду приглашать одаренных" (пан чжао цзюнь и).⁸ Выбранное в данном случае Тай-цзуном слово наиболее точно соответствует характеру его взаимоотношений со служилым сословием (ши), в самосознании которого к началу династии Тан произошли определенные изменения.

За период Лючао (229-589), когда на китайском престоле сменяло друг друга множество династий (причем некоторые из них - на севере - были некитайского происхождения), неоднократно поднимался вопрос о нарушении правителем Пути, об утрате Небесного мандата. При этом ши все более осознавали свою социальную значимость в качестве полноправных хранителей конфуцианской традиции. Противопоставляя себя неспособным правителям, они все чаще предпочитали различные формы отшельничества службе и политической деятельности.

В создавшихся условиях важной политической и идеологической задачей правителя стала переориентация служилого сословия и возвращение государственной службе ее прежнего престижа.

Главные принципы взаимоотношений правителя и служилого сословия Тай-цзун излагает в третьем цзюане своего сочинения, состоящем из трех глав: "Быть внимательным, назначая на должности", "Внимать увещаниям" и "Отстранять клеветников".

Вопрос о принципах умелой администрации политическая мысль Китая почти не разрабатывала, хотя констатировала важность "учреждения должностей" (шэ гуань) и "разделения обязанностей" (фэнь чжи). В связи с тем, что возможность управления недеянием конфуцианство ставило в зависимость от нравственного совершенства правителя, основной функцией сановников считалась помощь государю в достижении и поддержании им морального совершенства. При

назначении на должности важно было в первую очередь учитывать личные добродетели, а не способности кандидатов к административной деятельности. Мудрость, прямота, добропорядочность, искренность, лояльность правителю традиционно считались главными качествами образцового сановника.

Император Тай-цзун, безусловно, ценил в своих приближенных личные человеческие достоинства, однако же, когда он однажды решил указать им на их добродетели и недостатки, то касался в основном деловых качеств. Характеризуя, например, Чжансунь Уцзи, император отметил его умение быстро сообразовываться с обстановкой и принимать решения, у Гао Шилиня отметил пронизательность, указав при этом, что из образованности, начитанности некоторых чиновников он не извлек никакой пользы.⁹

Изложение принципа распределения государем обязанностей — это наиболее известный и единственный переводившийся на европейский язык отрывок сочинения "Дифань".¹⁰ "В сущности, — писал Тай-цзун, — мудрый правитель использует людей, подобно тому, как искусный плотник разделяет дерево. Прямой [ствол] он использует для оглобли, изогнутый — для колеса, длинный — для коньковой балки, короткий — для стропила. Независимо от того, изогнутое [или] прямое, длинное [или] короткое — каждое [дерево] имеет то [качество], которое может быть использовано. Мудрый правитель использует людей подобным же образом. У умного [человека] он берет замыслы, у глупца — физическую силу, у храброго — грозность, у труса — осторожность. Независимо от того, мудрый [или] глупый, храбрый [или] трусливый — каждый используется [правителем]. Таким образом, [как для] искусного плотника нет непригодного материала, [так и для] мудрого правителя не [должно быть] отвергаемых чиновников".¹¹

Максимально используя деловые качества людей, правитель обязан также соотносить, как учили древние мудрецы, достоинства человека с важностью и ответственностью его поста. "... [правитель] — пишет Тай-цзун, — не сочтет возможным использовать для варки курицы треножник, вмещающий буйвола, а кошку, ловящую мышей, не сочтет возможным заставлять охотиться на [крупных] зверей".¹²

Умение правителя находить соответствующее применение способностям людей автор "Дифань" считал важнейшим принципом рациональной администрации: "Какой-то [правитель] собирает [к себе на службу] сотню человек и приобретает мало, а какой-то контролирует одного и получает много".¹³

Эффективная помощь сановников необходима государю, так как функции его всеобъемлющи и многообразны – он управляет подданными, сводит воедино триаду, контролирует течение времени, – а сердце имеет такой же величины, как и все.¹⁴ Огромная важность помощи правителю обуславливает необходимость внимательного контроля с его стороны за ее осуществлением. Тай-цзун указывает, что государь "должен иметь четкое представление об обязанностях чиновников, быть внимательным, давая должности мудрецам, отбирать талантливых и назначать [им] жалованье".¹⁵ Перечисленные задачи Тай-цзун всегда стремился выполнять лично. Он был очень деятельным правителем, и поэтому не случайно в "Дифань" рассмотрение вопроса о практическом использовании людей на службе предшествует главе "Внимать увещаниям", где говорится об отношении правителя к совещательной деятельности его приближенных.

О том, что, стремясь к моральному идеалу, правитель обязан постоянно внимать увещаниям сановников, говорилось еще в "Шу-цзине": "Дерево выпрямляют с помощью плотничьего шнура, а правитель становится мудрым, следуя советам [подданных]".¹⁶ Впоследствии вопрос об увещаниях и ремонстрациях государю разрабатывали в своих учениях Конфуций, Мэн-цзы, Ханьфэй-цзы. При династиях Цинь и Хань увещания (цзянь) стали существенным моментом государственной практики. Появились чиновники, чьей задачей было критиковать политику и личное поведение государя и давать ему советы об улучшении управления. В танский период такие чиновники назывались цзяньгуань (советники). Всего их насчитывалось тридцать два в Цензурате и Государственной канцелярии.¹⁷

Безусловно, критика правителя не считалась привилегией исключительно этих советников – специалистов по увещаниям. Каждый чиновник, а уж тем более влиятельный и высокопоставленный сановник, теоретически имел право в любой момент указать правителю на его просчеты. Противопоставив пренебрежительному отношению суйских императоров к сановникам почтительность и демонстрируя стремление следовать их советам, император Тай-цзун содействовал необычайному оживлению политической жизни служилого сословия. Впоследствии это высоко было оценено конфуцианской историографией.

В связи с этим очень интересна пятая глава "Дифань" "Внимать увещаниям", которая содержит разъяснение самого Тай-цзуна, почему правителю так необходимо выслушивать советы приближенных.

В вопросе о том, какую выгоду государству и практическую по-

мощь императору приносят эти советы, Тай-цзун довольно сдержан. Для него советники – это прежде всего посредники между государем и народом. "Известно, что правитель, занимая [чрезвычайно] высокое положение, должен все охватывать [своим] взором, но слышит и видит он [для этого] недостаточно, [Кроме того], [Он] боится, что не заметит своих промахов, а недостатки [его] некому будет восполнить".¹⁸ Поэтому он должен, открыв сердце к восприятию истины, поощрять справедливые речи мудрых подданных. Признавая таким образом полезность советов и нравочений, Тай-цзун не ставил в зависимость от них успехи государственной политики. Совецательная деятельность сановников была для него прежде всего неизбежным и довольно неудобным политическим явлением, с которым правитель обязан был считаться ради собственной безопасности. Если государь следует правительному Пути, подданные редко имеют устремления, отличные от его собственных, а поэтому их критику нет смысла ограничивать.

Тай-цзун не случайно отмечает настойчивость, с которой преданный подданный стремится "исчерпать свое сердце", а мудрый – "отдать все свои помыслы".¹⁹ Правитель, который не проявляет гибкости по отношению к ним и не обращает внимания на их упреки и советы, рискует попасть в весьма неудобное положение. Тай-цзун, пишет, что государь, изолирующий себя от подданных, не имеющий источников знания, "считает, что добродетелью [Он] затмевает трех властителей, талантами превосходит трех императоров. В результате сам [Он] погибает, а [его] государство разрушается. Разве это не достойно сострадания? Это есть зло, проистекающее от того, что [правитель] отклоняет добрые советы".²⁰

В следующей главе "Правил для императоров" – "Отстранять клеветников" – из всех негативных явлений, встречающихся в среде чиновничества, автор выделяет два. "Известно, что клеветники и льстецы – это враги государства", – пишет он.²¹

Стремление некоторых придворных опорочить честных людей и дезинформировать государя Тай-цзун связывал прежде всего с политическими расчетами и личными интересами: "Льстецы и клеветники ... и утром, и вечером борются за [собственную] славу и процветание; стремятся к могуществу при дворе и к выгоде в торговых сделках". Опираясь на своих единомышленников, они достигают высокого положения, стремятся сблизиться с государем и оказать на него влияние.²² От таких людей предостерегает Тай-цзун своего сына. Император, по его мнению, всегда должен полагаться на верных людей, сам оказывая им поддержку, и отстранять тех, кто в государ-

ственных делах руководствуется лишь собственными интересами.

В целом, определяя в "Дифань" основные принципы своих взаимоотношений с сановниками, император Тай-цзун исходил из положения, состоящего в том, что главным творцом конкретной государственной политики должен быть император. При жизни Тай-цзун много сил отдавал привлечению служилого сословия на государственную службу и демонстрации его ценности для правителя, что нашло отражение в сочинении "Чжэньгуань чжэньяо". В "Дифань" же автор, подчеркивая, что роль императора в государственных делах является определяющей, отводил сановникам функцию помощи.

-
- I. А.С.Мартынов. Государственное и этическое в императорском Китае (в печати), с. 2.
 2. Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь (Всеобщее обозрение событий, управлению помогающее). Пекин, 1956, цз. 192, с. 6028.
 3. А.С.Мартынов. Государственное и этическое... с. 17.
 4. А.С.Мартынов. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. - "Народы Азии и Африки", 1972, № 5, с. 74.
 5. Тай-цзун. Дифань (Правила для императоров). Сер. Цуншу цзи-чен. Шанхай, 1936, цз. I, с. 4.
 6. А.С.Мартынов. Государственное и этическое... с. 17.
 7. Шуцзин (Книга документов). Сер. Сыбу цункань. Пекин, 1928, т. 4, цз. 5, с. 9а.
 8. Там же, т. 5, цз. 14, с. 12а.
 9. Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь, цз. 197, с. 6210; **H.J.Wechsler. The Confucian Impact on Early T'ang Decision-making. - T'oung Pao, vol.66, Leiden, 1980, p. 6.**
 10. **The Cambridge History of China. D.Twitchett and Fairbank, J.K. eds., vol. 3, Sui and T'ang China (589-906). Part 1, Cambridge, London, N.Y., Melbourne, 1979, p. 193; H.J.Wechsler. Mirror to the Son of Heaven. Wei Cheng at the Court of T'ang T'ai-tsung. New Haven and London, 1974, p. 84.**
 11. Тай-цзун. Дифань, цз. 2, с. 15-16.
 12. Там же, цз. 2, с. 16-17.
 13. Там же, цз. 2, с. 17.
 14. Там же, цз. 2, с. 18.
 15. Там же, цз. 2, с. 16.
 16. Шуцзин, т. 5, цз. 12, с. 96.
 17. **Wechsler. Mirror to the Son of Heaven... p. 119-120.**
 18. Тай-цзун, Дифань, цз. 2, с. 19.

19. Там же, цз. 2, с. 20.
20. Там же, цз. 2, с. 21.
21. Там же, цз. 2, с. 22.
22. Там же, цз. 2, с. 22-23.

М. А. Салахетдинова

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКУМЕНТ, СОСТАВЛЕННЫЙ В СВЯЗИ С ПОХОДОМ ШЕЙБАНИДА АБДУЛЛА-ХАНА II НА ГЕРАТ В 1578 г.

Герат, расположенный в плодородной долине реки Герируд, на перекрестке дорог из Средней Азии и Индии в Иран, на протяжении многих веков был важным городом Хорасана. Он был известен как сильно укрепленная крепость. В XV в. город стал крупным культурно-экономическим центром. Ввиду того, что он имел большое стратегическое значение, он подвергался нападениям со стороны завоевателей.

В начале XVI в. произошла смена династий как в Средней Азии, так и в Иране. В Средней Азии власть у Тимуридов захватили Шейбаниды, потомки предводителя кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хана. В Иране пришли к власти Сефевиды. Первый шах этой династии Исмаил I объявил шиизм государственной религией. Шейбаниды придерживались суннитского вероучения.

Между Шейбанидами и Сефевидами шла непрерывная борьба за овладение Хорасаном, в частности Гератом. Правители борющихся стран придавали этой борьбе религиозную форму.

Видный представитель Шейбанидской династии Абдулла-хан II во второй половине XVI в. совершил три похода с целью завоевания Герата. Он также объяснил свои завоевательные устремления религиозными мотивами - борьбой против шиитов. Первые два похода хана закончились провалом.

В начале 995/1578 г. Абдулла-хан начал свой третий поход на Герат. Он выступил из Несефского вилайета, где был объявлен сбор войска. Хафиз-и Таныш сообщает, что хан двинулся с огромной армией, однако численность ее, хотя бы приблизительно, он не указывает. По мере продвижения армии, она пополнилась войсками, прибывшими из Андижана, Шахрисябза, Дехнау, Балха и Кубадиана. Ша-раф-хан Бидлиси пишет, что, когда ханская армия переправилась через Амударью, она насчитывала 100 тысяч всадников.¹

После того, как армия расположилась в Чичакту, здесь сос-